

Одно не пойму, ведь был же за домом лес.
Почти что уверен, он был, а теперь исчез.
Теперь там бурлит эта чёрная-чёрная мгла.
И с каждым днём гуще она,
И ближе она.

* * *

На землю из-за огромных врат
Хлынули орды, хлынули боль и смрад.
Чёрные кони дают волной траву,
Судно с врагами с шумом скользит по льду.

А в моём саду тишина и блажь.
Стебель подсолнуха там одинокий страж,
Там правят на равных пырей и яблоня
Землём, которой касался один лишь я.

Знаю, есть земли за просекой на восток,
Огненные реки там лижут святой песок.
Знаю, на западе Истина по полям
Стелется, словно густой бурьян.

Знание это тревожит предел границ,
Громче поёт всех моих нежных птиц.
Но верю, лишь сад моего сознания
Один достоин спасения и старания.

* * *

Красный стрелял папиросы у белого.
Шумело могучее древнее дерево.
— Нема табака, давись-ка яблоком,
Дивись по небу летящим ангелом.

— Тоска, офицер. Объясни по новой.
Я же пришиб тебя в роще дубовой,
Потом подскочили твои орлы.
И вот мы тут, а вокруг сады.

— Эх, дурья башка, ответь на вопрос,
Ты мамку любил, пока дома рос?
Любил Россию? Советскую власть?
Чего молчишь, на меня косясь?

— Ну да, ну любил я свою страну,
А больше неё — детей и жену.

Причём здесь наша с тобой история?
Чья вокруг нас лежит территория?

— Всё просто, мой враг, убийца и брат,
Стоим по ту сторону крайних врат.
Во имя любви тэк кровавый сок,
Легли за неё, а она есть Бог.

* * *

Работаю в очень странном месте —
Радиостанция где-то в бездне.

Собственно, толком ничего неизвестно.
Я здесь, где темно и тесно.

Сколько эфирного времени Бог подаст,
Буду вести безымянный я свой подкаст.

Разве меня кто-то слушает по ту сторону?
Вроде сижу один, а зарплата — поровну.

Тянутся кабели к штекерам изнутри.
Я говорю о *вселенской большой любви*.

Когда устаю от единственной
важной темы,
Ставлю прогноз погоды и крест на вены.

* * *

Утро. Медь вызревает в небе,
жизнь предстает понемногу.
В дороге мысль о насущном хлебе
часто приводит к богу.
В окружении солнечных тонких рук
я вижу свою свободу.
Она грызёт короткий мундштук,
а глаза выдают породу.

Свобода моя золотых времён,
племён кочевых потомок.
Пока не знакомы, пока воротит
от пёстрых её котомок.
Пока тысячи прочих сжимают
в руках её сутулые плечи,
Я от свободы, как от чумы,
бегу до следующей встречи.

* * *

«Чирк» – колесо зажигалки делает оборот.
Она провожает взглядом куда-то
бредущий год.

Жерди ограды чернеют,
нахмурились фонари.
Гори, огонёк сигареты!
раз не горит внутри.

Ищет под первым снегом,
в тёмном нутре витрин,
В качке идущих мимо по сизой улице спин,

В небе без звёзд и бога
(она там уже была),
В башне, где спят уставшие
за день колокола.

Ищет ответ на самый главный
вопрос – зачем?
Но не хватает искры
между вселенских клемм.

Но не хватает света в мире её, и вот...
«Чирк» – колесо зажигалки делает оборот.